

ОМСК. Трагифарс на сцене и в жизни

В начале июня в **Драматическом Лицейском театре** представили премьеру спектакля «**Оркестр**» по пьесе **Жана Ануя**. Режиссером выступила студентка пятого курса **Театрального училища им. Б.В. Шуккина Виктория Каминская**.

Надо сказать, что для театра в осуществлении этого замысла был определен риск. Во-первых, сложность материала для режиссера, артистов и будущих зрителей; во-вторых — всего месяц на постановку. Но в результате получился спектакль, который украсит не только репертуар Лицейского театра, но и театральную афишу города.

Уверенность в том, что это творческая удача, появилась не сразу, так как история Жана Ануя о заштанном оркестре, вынужденном после войны играть в маленьком французском курортном городке, особенно ничем событийным не отличается. И только талант режиссера способен раскрыть в ней метафору всего человечества.

Перед нами музыканты, участники оркестра — гипертрофированные, экспрессивные образы, размашисто и крупно нарисованные драматургом, усиленные режиссером, поддержанные сценографом (**Марина Шипова**) и художником по костюмам (**Ирина Ескова**). Графичные декорации оттеняют героев, чрезмерность которых подчеркнута яркостью визуального воплощения. Но кроме того, условность и символичность сценографии позволяют ассоциировать ее и с натянутыми струнами душ, и с клеткой собственных страхов, комплексов, прошлого.

Все герои — узнаваемые и абсолютно сегодняшние.

Мадам Ортанс, руководительница оркестра (**Наталья Виташевская**) — сильная женщина, которая привыкла подчинять себе всех вокруг; не терпит отказа — способна укоротить любого строптивого мужчину, который вдруг стал ее капризом. Ей не нужны сильные эмоции — достаточно маленьких удовольствий, «все остальное — искусство».

Вообще, преданностью искусству так или иначе бравируют все персонажи. Напри-

мер, несчастная Патриция (**Дарья Оклей**) — первая скрипка — всю свою жизнь положила на алтарь музыки, но не достигла тех высот, о которых мечтала. В ее жизни нет ни блестящего будущего, которое ей пророчили, ни достойного настоящего, где удовлетворены амбиции; ни мужчины, с которым она могла бы реализовать себя как женщина. Единственное, что поддерживает ее существование — это сознание собственного долга перед старой матерью, которая осталась у нее на руках.

Такое положение вещей непостижимо для Памели, играющей партию второй скрипки (**Анастасия Максименко**). В ее жизни нет места родственным привязанностям и даже материнскому чувству: дочери она предпочла мужчин.

Без страстей не мыслит свою жизнь и альтистка Эрмелина (**Евгения Заднепровская**). Жизнь в маленьком городке, где ничего не происходит, постоянно возбуждает ее беспокойную натуру, и весь свой темперамент она выражает в ссорах и выяснениях отношений с любимым. Она придумывает его измены, находит подтверждение его равнодушия — и оттого страдает, наполняя свою душу необходимыми ей эмоциями.

Полная противоположность ей — Леона, тонкая флейта (**Дарья Шпынова**). Молчаливая, деликатная, знающая себе цену. Внутренне она восстает против всех жалоб, которые вынуждена ежедневно выслушивать от коллег. Война забрала у нее все: прекрасных родителей, любящего мужа, ребенка. Оставив взамен пустоту.

Неудачник-оптимист, играющий на кларнете и подрабатывающий официантом (**Алексей Осипов, Александр Боткин**), мечтает уехать из этой дыры и «начать жить хорошо». Делец-продюсер мсье Лебонз (**Николай Пушкарёв**), холодный и расчетливый, для которого единственная ценность в жизни — это деньги. Виолончелистка Сюзанна Делисиас (**Наталья Коротаева**) — нервная, ранимая, истеричная, как будто постоянно ждущая рокового ча-

Патриция — Д. Оклея, Памела — А. Максименко

са для того, чтобы на что-то решиться. Пианист (**Вячеслав Ерёмин, Евгений Трубкин**), инфантильный и нелепый, страдающий от истерик больной жены и экзальтированной любовницы. Кстати, правду о нем мы узнаем только ближе к финалу — потрясающий монолог пианиста обнажает его порочную душу, чуждую любви и состраданию. Эта точка невозврата становится кульминацией спектакля — и знаком надвигающейся катастрофы.

Хочется отметить дуэт двух скрипок — актрисы Дарья Оклея и Анастасия Максименко находятся в постоянном диалоге, такие разные и похожие одновременно. Но особенно запоминается их двойное соло: по очереди они рассказывают друг другу историю своей жизни, перевоплощаясь то в мать, то в дочь. В этой игре просто и честно отражается жизнь, обнажая смешное и горькое; и актрисы умело жонглируют со-

стоянием зрителя, заставляя его то плакать, то смеяться.

Каждый из этих персонажей вынужден носить маску, потому что девиз оркестра — улыбаться и играть, чтобы никто ничего не заметил. А играют музыканты на струнах собственных душ и тел — в буквальном смысле.

Особенностью спектакля является то, что на сцене нет ни одного музыкального инструмента — ими стали сами артисты. Прием не нов, но в данном случае абсолютно оправдан и органичен. Экспрессивная пластика (хореограф **Ирина Горэ**) в сочетании с пульсирующей балканской музыкой (группы «**Balkan Brass Band**» и «**Bubamara Brass Band**») во время выступления оркестра становится для каждого по отдельности и для всех вместе маской, за которой скрыто настоящее чувство; тогда как тягучие, плавные движения каждого отдельного персонажа, положенные на музыку И.С. Баха, зву-

Сцена из спектакля

чат откровением. Живые лица предстают зрителю и благодаря исповедальным монологам-зонгам, удачно вплетенным режиссером в ткань постановки.

Соединение внешней экспрессии и внутренней повествовательности — этот контраст пронизывает весь спектакль и дает потрясающий эмоциональный эффект. Чем ближе к финалу, тем больше чувствуется приближение настоящей трагедии. Но за веселыми ритмами и натянутыми улыбками, увлеченные игрой, музыканты не замечают ее — до тех пор, пока не становится слишком поздно. Прозвучавший выстрел не останавливает жизнь оркестра — он превращает ее в жуткую карусель тщательно отшлифованных масок; карусель, которая только ускоряется в своем безумном движении.

В финале опускаются кофры в виде музыкальных инструментов, напоминающие гробы. Артисты снимают свои сце-

нические костюмы и аккуратно, бережно вешают их внутрь. И тогда становится понятно, что каждый из них сознательно заживо похоронил себя — и в этом оркестре, и вообще в жизни.

На закрывающемся занавесе слышится еще один выстрел — как предостережение и возможный конец для любого оставшегося в этой реальности.

«Оркестр» получился очень живым, настоящим — здесь развернулся калейдоскоп характеров и судеб. Абсолютно точно, что каждый зритель узнает себя, или своего близкого человека, или просто знакомого. Но самое главное — может быть, он испугается лицемерия общества, в котором живет; пустоты, инфантильности людей, равнодушия их друг к другу. И подумает о том, что именно у него пока еще есть выбор.

Дина ЛИТВИНА